

Нет!!!

Сердце Ци Цинцы в одно мгновение отозвалось воплем, подобным яростному цунами.

Янь Бэйсюань, ты старый хрыч! Ты же не человек! Ты решил загнать меня в гроб!

Я что, в прошлой жизни разрыл твою родовую могилу или увел твою жену? Едва я избежал одной беды, как ты тут же вываливаешь на меня свой козырь?

Еще и говорит, что у меня цвет лица болезненный. Да ты просто злодей по натуре! Ты хочешь поймать меня на месте, привязать к воротам Умэнь и подвергнуть медленной казни, чтобы добавить ярких красок в свою извращенную жизнь!

В душе он уже рвал на себе волосы и был готов хоть сейчас откусить себе язык, лишь бы оставить после себя целое тело.

Однако на лице, под холодной маской, которую носил Ци Цинюэ, от крайнего ужаса застыло выражение, близкое к оцепенению.

Янь Бэйсюань, полулежа на мягкой кушетке, с нескрываемым удовольствием наблюдал, как с лица собеседника сходит последний оттенок крови.

Он хотел видеть именно такое выражение.

Видеть, как тот, смертельно напуганный, все еще пытается держаться из последних сил.

Словно маленький зверек, загнанный к самому краю обрыва, шерсть дыбом, но ни шагу назад.

— Ну же? — в голосе Янь Бэйсюаня проскользнуло притворное сомнение, но тон был ледяным, пробирающим до костей. — Генерал Ци, вы решили послушаться императорского указа?

Угроза!

Самая неприкрытая угроза!

Ци Цинцы в ярости сжал зубы, во рту разлился металлический привкус крови.

Но отказаться он не мог.

Отвергнуть «милость» императора в виде личного лекаря — все равно что начертать у себя на

лбу слова Я нечист и подставить голову под меч.

Разница между тем, чтобы быть разоблаченным лекарем, и отказом была разве что в способе казни.

Либо тебя разорвут колесницами, либо подвергнут тысяче разрезов.

Что делать?

Что же делать?!

Система! Система, спасай! Твой драгоценный хозяин сейчас превратится в куски мяса! Если ты не появишься, я точно сыграю в ящик!

Ци Цинцы неистово взывал к ней в своих мыслях.

Скорее! Есть ли в магазине что-то, что может подделать пульс? Амулет подделки пульса? Или карта Опыт Линь Дайюй на одну секунду? Что угодно!

Системный магазин послушно развернулся, перед глазами замелькали товары, и, наконец, одна тускло светящаяся бумажка замерла в центре.

Амулет подделки пульса: после использования позволяет имитировать заданный пульс в течение одного часа. Стоимость: пять тысяч единиц насмешек.

Пять тысяч!

Ну и барыги!

Сердце Ци Цинцы обливалось кровью.

Он весь вечер горбатился в Министерстве военного дела, изображая проектного менеджера и обрабатывая этих вояк, — сколько же он заработал ценой нечеловеческих усилий?

Эта паршивая бумажка списала большую часть его состояния!

А ведь это были деньги, которые он приберег, чтобы выкупить жизнь своему брату!

Но сейчас, когда на одной чаше весов — надежда на выздоровление брата, а на другой — его собственная голова, времени на раздумья не было.

Покупаю! Покупаю, черт возьми! Если я сдохну, как я вообще спасу брата!

Дзинь! Покупка совершена! Амулет подделки пульса добавлен в системный инвентарь.

Возникла новая проблема.

Янь Бэйсюань не сводил с него своих глаз, словно прожекторов. Как использовать эту штуку, чтобы никто не заметил?

В инструкции было сказано: прикрепить к запястью.

Но сейчас, стоило ему хоть немного пошевелиться, как в глазах Янь Бэйсюаня это выглядело бы как замедленная съемка — его неминуемо разоблачат!

Нужно заставить его отвлечься!

Заставить его отвести взгляд, хотя бы на секунду!

Мозг Ци Цинцы заработал на предельной скорости. Единственным оружием был его невидимый рот.

Он уже понял, что Янь Бэйсюань слышит его мысли, так что нужно использовать это против него!

Оскорбить его напрямую? Нет, слишком очевидно. А если тиран взбесится и разорвет его до прихода лекаря?

Нужно что-то настолько взрывное, настолько шокирующее, чтобы он хоть на мгновение потерял самообладание!

В тот момент, когда система активировалась, Ци Цинцы успел просканировать всех присутствующих своим радаром поиска целей, мельком взглянув на их сокровенные тайны.

И вдруг его глаза ярко вспыхнули.

Вот оно!

Этот тиран явно с жиру бесится, раз решил притащить мне лекаря.

Сначала он по привычке проворчал это про себя, чтобы поддержать свой образ и заставить Янь

Бэйсюаня внимательнее прислушаться к следующим мыслям.

Как и ожидалось, бровь Янь Бэйсюаня едва заметно дернулась — он уже привык к таким вступлениям.

Следом Ци Цинцы резко сменил тему.

Эх, сколько же тайн в этом дворце. А ведь за картиной Путешествие в горы осенью мастера Чжана из прошлой династии в покоях вдовствующей императрицы, кажется, есть тайник?

Рука Янь Бэйсюаня с чашкой замерла.

Вдовствующая императрица?

Картина в покоях его матери?

Видя, что эффект достигнут, Ци Цинцы усилил натиск, наполнив свои мысли возбуждением первооткрывателя.

Охренеть! Я вспомнил! В этом тайнике, говорят, спрятаны любовные письма, которые она, будучи молодой, писала государственному защитнику Ху Гогуну! Мать честная, вдовствующая императрица была еще той штучкой?! Крутила роман на закате лет прямо у покойного императора под носом?

Ху Гогун... это же тот старик, которому за шестьдесят, с бородой до пояса, который без помощи ходить не может? Что за вкусы у вдовствующей императрицы? Любит старичков? Ставка на то, чтобы состариться вместе? Вот уж поистине: закат жизни бесконечно прекрасен, не так ли?

Бам!

Раздался звонкий треск.

Чашка в руках Янь Бэйсюаня выскользнула и разбилась вдребезги.

Кипяток брызнул в стороны, быстро растекаясь темным пятном.

На лице императора впервые появилась трещина — самая настоящая.

Шок, оцепенение, абсурд, а также искра чего-то такого, что он сам не смог распознать — не то любопытство, не то жажда сплетен, — бешено сменяли друг друга в глубине его бездонных глаз.

Матушка... и Ху Гогун?!

Как это возможно?!

Ху Гогун был министром-регентом, оставленным покойным императором, всегда славился своей верностью и прямоотой, был одним из самых доверенных сановников!

А его матушка после смерти императора вела уединенный образ жизни, посвятила себя буддизму и была образцом добродетели!

Эти двое, которые вообще не могли иметь ничего общего...

Сейчас!

В тот миг, когда Янь Бэйсюань был потрясен до глубины души, погрузившись в раздумья над словами Ци Цинцы, и его взгляд невольно рассеялся!

Ци Цинцы пришел в движение!

Его левая рука, скрытая в широком рукаве, с судорожной скоростью метнулась за пазуху, выхватила тонкую, как крыло цикады, бумажку и с силой прилепила ее к правому запястью!

Все движение было исполнено безупречно, быстро, словно призрак.

Когда Янь Бэйсюань пришел в себя после потрясающей новости и снова сфокусировал взгляд, Ци Цинцы уже принял прежнюю покорную позу, ожидая приговора, будто ничего не произошло.

Получилось!

Сердце Ци Цинцы колотилось, готовое выскочить из горла.

Сдерживая волнение, он лихорадочно задал параметры пульса.

Пусть будет... истощение крови и ци, расстройство внутренней энергии, серьезный урон жизненным силам, плюс переутомление.

Звучит как состояние того, кто одной ногой в могиле, — как раз под стать его нынешнему образу преданного слуги, получившего тяжелые ранения.

— Ваше Величество, вы... в порядке? — Ци Цинцы поднял голову, на его лице отразилось уместное беспокойство, будто он сам был напуган странным поведением императора.

Янь Бэйсюань пристально посмотрел на него. Этот взгляд был настолько сложным, что по спине Ци Цинцы побежали мурашки.

Император не ответил, лишь медленно выпрямился, отпихнул ногой осколки чашки, и его голос вернулся к привычной холодности.

— Ничего страшного. Лекарь должен скоро быть.

Едва он закончил говорить, как снаружи послышался тонкий голос евнуха:

— Глава Императорской медицинской академии, Лю Ичжэнь, по высочайшему указу прибыл на прием!

В комнату вошел старый лекарь с седыми волосами и бородой, худой, с аптечкой за спиной. Он ступал мелкими, уверенными шагами, каждый из которых словно был отмерян по линейке. Его взгляд был невозмутим, от него веяло суровостью человека, к которому лучше не приближаться. Это был Лю Ичжэнь, человек с самым высоким мастерством в Академии и самый беспристрастный врач, прозванный в народе Живым Ямой.

— Ваш слуга приветствует Ваше Величество.

— Встаньте, — Янь Бэйсюань указал на Ци Цинцы. — Осмотрите генерала Ци.

Взгляд лекаря Лю упал на Ци Цинцы. Он смотрел на него как на неодушевленный предмет, без капли эмоций. Он подошел к Ци Цинцы, достал из аптечки мягкую подушечку для пульса и подложил под его запястье.

— Генерал, прошу.

Ци Цинцы смиренно протянул правую руку.

В тот момент, когда три ледяных, сухих, словно коряги, пальца лекаря Лю коснулись его пульса, дыхание Ци Цинцы замерло.

Время бесконечно растянулось.

В кабинете было так тихо, что слышалось лишь потрескивание свечей.

Янь Бэйсюань переводил взгляд с Ци Цинцы на лекаря Лю, не упуская ни малейшего изменения в их лицах.

Секунда.

Две секунды.

Брови лекаря Лю, чье лицо всегда напоминало каменную маску, начали медленно сходиться.

Сердце Ци Цинцы сжалось.

Что происходит? Этот амулет что, подделка с дешевой распродажи? Пять тысяч денег потрачено впустую? Система, ты барыга! Я требую возврата! Я поставлю тебе плохой отзыв!

Еще через полминуты лекарь Лю медленно убрал руку.

Он встал, поклонился Янь Бэйсюаню, и его голос прозвучал с невиданной доселе тяжестью:

— Ваше Величество, пульс генерала Ци... прошу прощения за прямоту, но положение крайне опасное.

Янь Бэйсюань приподнял веко:

— Говори.

— Пульс генерала плавающий, без корня, запавший и слабый, словно свеча на ветру или ряска в бурном потоке.

Лекарь Лю выговаривал каждое слово с расстановкой.

— Это признаки истощения ци и крови, приближения к пределу жизненных сил. Вероятно, старые раны не зажили и подорвали основу, а недавнее переутомление и душевные переживания лишь усугубили дело.

Он сделал паузу, взглянул на бесстрастного Ци Цинцы и добавил:

— Если он продолжит так себя нагружать и не будет как следует отдыхать, боюсь... через три месяца его жизнь окажется под угрозой.

После этих слов даже сам Ци Цинцы опешил.

Охренеть! Настолько серьезно? Я что, задал параметры с таким перебором?

Но... кажется, это не так уж далеко от реального состояния этого тела? Амулет стоил своих денег!

На лице Янь Бэйсюаня не читалось ни радости, ни гнева.

Он молча слушал, его взгляд снова вернулся к бледному, как бумага, лицу Ци Цинцы.

— Есть ли способ лечения?

— Есть, — сразу ответил лекарь Лю. — Нужно поддерживать жизненные силы тысячелетним женьшенем, снежным линьчжи и прочими сильными средствами, дополняя все это успокаивающими отварами. Необходимо отказаться от любой тяжелой работы и суеты, покой нужен в течение года, а то и полутора лет, тогда, возможно, удастся что-то поправить.

Он тут же составил длинный список лекарств и передал его евнуху.

Янь Бэйсюань махнул рукой:

— Соберите лекарства согласно рецепту, все компоненты взять из моей личной сокровищницы. Отправьте в особняк генерала.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Лекарь Лю поклонился и вышел.

В кабинете снова остались только они двое.

Янь Бэйсюань подошел к нему и посмотрел сверху вниз, в его глазах читались подозрение и пытливость, еще более сильные, чем прежде.

Долгое время он молчал, а затем вдруг заговорил, и в голосе его невозможно было уловить эмоции:

— Генерал так трудился на благо страны, что довел себя до такого состояния, я весьма тронут и глубоко сочувствую вам.

Тронут он, ага! Как волк, пришедший поздравить курицу! — Ци Цинцы неистово вопил внутри, но на лице вынужден был изобразить страх.

— Заботиться о делах Вашего Величества — мой долг.

— Хороший долг, — Янь Бэйсюань кивнул, и уголки его губ изогнулись в странной улыбке. — Раз лекарь сказал, что вам нужен покой, то дела в Министерстве военного дела действительно сложны, не стоит утруждать генерала.

Услышав это, Ци Цинцы обрадовался!

Значит ли это, что ему дадут больничный?

Однако следующая фраза Янь Бэйсюаня отправила его прямиком на восемнадцатый уровень ада.

— Генералу Ци стоит сначала вернуться в особняк, чтобы как следует отдохнуть, а завтра утром — будьте добры явиться на утреннюю аудиенцию.

Пф!

Ци Цинцы лишь пренебрежительно фыркнул, а он-то надеялся на отпуск. Вот и всё? Вот и всё?

Тьфу! Император-кровопийца!

<http://bllate.org/book/22366/2345379>